

диакон Иоанн Змиев, С. А. Парахин

НАРРАТИВНАЯ АНАЛОГИЯ КАК МЕТОД НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА НА ПРИМЕРЕ КНИГИ ПРОРОКА ИСАИИ

Аннотация. Исследование посвящено актуализации нарративного анализа в отечественной библеистике. Приводится историографический обзор изучения нарративного анализа отечественными исследователями. Один из элементов, которому ученые уделяют значимое внимание, — это перспективы использования данного анализа в православной традиции. В статье также разбирается один из методов нарративного анализа — нарративная аналогия. После детального изложения особенностей нарративной аналогии, авторы статьи предлагают наглядный пример использования данного метода в рамках Книги пророка Исаии. Таким образом, данное исследование включает в себя решение следующих задач: 1) продолжить актуализацию нарративного анализа в русской библеистике; 2) дать характеристику нарративной аналогии и обозначить перспективы ее использования для православного исследователя; 3) продемонстрировать потенциал нарративной аналогии на конкретном примере из Священного Писания

Ключевые слова: нарративный анализ, нарративная аналогия, российская библеистика, элементы сходства в библейском тексте, Книга пророка Исаии, мотив остатка.

Об авторах: диакон Иоанн Змиев — магистр богословия, аспирант кафедры библеистики Московской духовной академии, преподаватель Перервинской духовной семинарии (e-mail: ivanzmiev@mail.ru)

Степан Андреевич Парахин — магистр теологии, старший преподаватель Екатеринбургской духовной семинарии (e-mail: stefanparahin18@mail.ru).

Нарративный анализ в отечественной библеистике на примере избранных трудов

В отечественной библеистике¹, с одной стороны, интерес к нарративному анализу² возрастает; с другой стороны, этот метод по-прежнему неизвестен большинству русскоязычных читателей. Таким образом, было бы полезно привести здесь определение данного метода исследования Священного Писания.

«[Нарративный анализ — это] научное исследование тех литературных характеристик, благодаря которым тот или иной текст становится связанным повествованием, рассказом... научный интерес сосредоточен преимущественно не на том, о чем рассказывается в тексте, а на том, как об этом рассказывается»³.

¹ Понятия «русская» и «отечественная» библеистика будут использоваться в исследовании как синонимы.

² В рамках данной статьи термин «нарративный анализ» будет использоваться главным образом как обозначение одного из методов исследования Священного Писания. Иными словами, этот термин будет рассматриваться только в границах библеистики

³ Филофей (Артюшин), иером. Современный метод нарративного анализа и перспективы

Дальше отечественный исследователь пишет, что «применительно к Евангелиям это означает, что исследование литературных особенностей данного повествовательного жанра имеет целью ответить на вопрос: каким образом этот текст приобретает и доносит смысл? Каким образом его чисто литературные особенности сказываются на том решающем влиянии, которое этот текст оказывает на читателя?»⁴.

Можно сказать, что такая характеристика нарративного анализа относится не только к евангельским повествованиям, но и ко всем библейским повествованиям в целом.

Среди российских исследователей-бibleистов, которые актуализируют нарративный анализ и демонстрируют его потенциал, а также обозначают перспективы его использования в рамках православной традиции, в рамках данной статьи будут отмечены иеромонах Филофей (Артюшин), иерей Димитрий Барицкий и Андрей Десницкий. Исследователи публикуют статьи отдельно друг от друга и делают акценты на разных аспектах нарративного анализа. Оба исследователя посвятили по одной статье изложению общей характеристики этого метода⁵.

Однако первостепенно отметим других русскоязычных исследователей, у которых присутствуют публикации, связанные с нарративным анализом⁶.

Иером. Филофей в статье под названием «Современный метод нарративного анализа и перспективы его использования в православной библеистике»⁷ описывает следующие аспекты нарративного анализа: истоки зарождения и сравнение с методами исторической критики, главным образом с критикой форм и критикой редакций⁸, современное разнообразие различных направлений. Исследователь характеризует различные неотъемлемые аспекты нарративного ана-

его использования в православной библеистике // Богословский Вестник. 2015. № 16–17. С. 27.

⁴ Там же.

⁵ Краткие, но при этом довольно емкие по содержанию описания нарративного анализа приводят и другие отечественные библейские исследователи. См., например: Десницкий А. С. Введение в библейскую экзегетику. М., 2011. С. 160–163; Юрьевич Д., прот. Введение в Новый Завет: учебное пособие. СПб., 2016. С. 169. С другой стороны, стоит отметить, что Д. Добыкин в своей книге, посвященной герменевтике Священного Писания, рассматривает различные методы толкования Священного Писания. Исследователь описывает как древнейшие экзегетические методы толкования, так и методы исторической критики. При этом Д. Добыкин никак не упоминает нарративный анализ. См.: Добыкин Д. Г. Православное учение о толковании Священного Писания: лекции по библейской герменевтике: учеб. пособие. СПб., 2016.

⁶ Десницкий А. С. Интертекстуальность в библейских повествованиях // Вестник МГУ. Серия «Филология», 2008. № 1. С. 14–20.

⁷ Филофей (Артюшин), иером. Современный метод нарративного анализа. С. 23–55.

⁸ Там же. С. 25–26. По данной теме для русскоязычного читателя во многом будет незаменим труд Меира Вайса: Вайс М. Библия и современное литературоведение. Метод целостной интерпретации. М., 2001. Несмотря на то, что в оригинале книга была опубликована в 1962 г., а на русский язык переведена лишь почти полстолетия спустя, для русскоязычного читателя она остается крайне актуальной в плане ознакомления с историей зарождения нарративного анализа, с общей характеристикой данного подхода и его преимуществами сравнительно с критикой форм и критикой редакций.

лиза, а именно: имплицитных / подразумеваемых автора и читателя, дискурс / сюжет, текстуальную сетку, персонажей / действующих лиц (автор обозначает, в том числе, и то, что они бывают, с одной стороны «простыми и последовательными» (анг. «flat characters»), с другой стороны, «разносторонними — комплексными и динамичными» (анг. «round characters»))⁹. Иером. Филофей уделяет внимание и такому аспекту, как категория времени в нарративном анализе¹⁰. Наконец, отметим, что исследователь описывает значение «повторения некоторых схем, событий или идей», указывает на важность «слежения за тем, с чьей точки зрения ведется повествование» и дает характеристику «образа всеведущего автора»¹¹. Уже само обилие различных аспектов нарративного анализа, которые приводит и описывает иером. Филофей свидетельствует, с одной стороны, о сложности данного метода, с другой — о его успешном применении.

Иером. Филофей также касается вопроса соотношения методов исторической критики и нарративного анализа¹². Завершающую часть своей статьи исследователь посвящает вопросу о том, правомочен ли православный библеист использовать нарративный анализ. Отмечая, что данный метод вовсе не чужд святым отцам¹³, исследо-

⁹ Филофей (Артюшин), иером. Современный метод нарративного анализа. С. 29–33.

¹⁰ Там же. С. 34–35.

¹¹ Там же. С. 36–38.

¹² Исследователь пишет: «В рамках нарративного анализа обретает актуальность и историко-критическая методология, обеспечивающая внимательному исследователю проникновение в исторический контекст произведения, в жизнь первохристианской общины и культурное окружение всего Нового Завета» (Там же. С. 41). Иными словами, «такие фундаментальные направления историко-критического анализа, как критика источников, критика форм, критика редакции, становятся своеобразным фундаментом для дальнейшего литературного анализа, который органично вписан в исторический бэкграунд формирования текста и потому тесно связан с проблемами жанра, формы, богословской редакции» (Там же). Отметим, что такой позиции придерживается большинство исследователей: «Выдающиеся литературоведы нашего времени признают, что изучение литературы и поэтики нуждается в историческом основании... Те, кто пренебрегает историческим подходом, забывают, что произведение литературы есть непререкаемый исторический факт и, что важнее, его историчность есть факт нашего эстетического восприятия... Комментатор должен уделить особое внимание историческому периоду, в который создавался текст, для того чтобы понять его язык. Для понимания необходимо историческое исследование; эту связь нельзя разрывать». (Вайс М. Библия и современное литературоведение. С. 21–23). Отметим, что тезис о том, как важно изучать исторический контекст при использовании нарративного анализа, получил довольно противоречивую оценку. Некоторые исследователи предположили, что изучением исторического контекста можно совершенно пренебречь при использовании нарративного анализа. «Имеются даже такие авторы, которые считают идеальным чтение поэтических произведений без какого бы то ни было знания об их историческом времени и условиях их создания, и даже без знания имен их авторов» (Там же. С. 21). Cp.: Meir S. The Poetics of Biblical Narrative: Ideological Literature and the Drama of Reading. Bloomington (Ind.), 1987. P. 6–7.

¹³ «Читая святых отцов, нельзя не заметить, что они довольно часто используют приемы литературной критики (в основном в риторических целях) и переосмысливают библейские тексты в рамках той или иной нарративной стратегии, беря за основу именно повествовательный жанр» (Филофей (Артюшин), иером. Современный метод нарративного анализа. С. 44–45). Священник Дмитрий Барицкий также обращает внимание на то, что святые отцы

ватель заключает, что православный экзегет не только может, но и должен использовать обширный арсенал нарративного анализа¹⁴.

В других статьях иеромонах Филофей демонстрирует на конкретных фрагментах Священного Писания (главным образом из Евангелия от Луки и Евангелия от Иоанна) использование нарративного анализа¹⁵. Автор обращается к различным аспектам этого метода: к анализу евангельского рассказа с позиции «идеального читателя»¹⁶, к «разработке структуры, выявлению внутренней связности и последовательности текста, его аргументационной стратегии и к установлению значения ключевых слов и высказываний»¹⁷, к анализу внутренней структуры и сюжетного замысла¹⁸ и др. При этом можно сказать, что общим принципом для всех статей иеромонаха Филофея, в которых он анализирует те или иные евангельские перикопы, является «выявление нарративной структуры Евангелия, отражающей и его богословскую композицию, и сюжетный замысел евангелиста»¹⁹. Наконец, отметим успешную попытку исследователя применить инструментарий нарративного анализа к наследию апостола Павла.

уделяли внимание литературным особенностям Писания. См.: Барицкий Д., свящ. Место нарративного анализа в контексте библейских исследований // Богословский Вестник. 2023. № 3 (50). С. 44–45.

¹⁴ «Можно даже сказать, что такой комплексный, строго научный подход к изучению живого Слова Божия, несомненно, позволит и православному экзегету более осмысленно и грамотно последовать примеру отцов: не только привнести в их экзегетическое наследие свое собственное богословское видение того или иного вопроса, но и принять наставление непосредственно от самого священного текста» (Барицкий Д., свящ. Место нарративного анализа в контексте библейских исследований. С. 46). Вопрос о границах применения нарративного анализа для православного библеиста кратко рассматривал и священник Дмитрий Юрьевич. См.: Юрьевич Д. В., прот. Введение в Новый Завет. С. 34, 36.

¹⁵ См.: Филофей (Артюшин), иером. Нарративная функция и богословские следствия переведования мотивов «видеть» и «слышать» в Евангелии детства (Лк. 1–2) // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки. Материалы международной научно-богословской конференции, посвященной 70-летию возрождения СПбДА. 16–17 ноября 2016 г. СПб., 2017. С. 85–135.

¹⁶ Филофей (Артюшин) иером. Под знаком милосердия (Мф. 9, 9–13): проблема соотношения праведности и греха в богословском контексте Евангелия от Матфея // Библия и христианская древность. 2021. № 4 (12). С. 111–130.

¹⁷ Филофей (Артюшин), иером. Субботство Закона и милосердие Господина субботы (Мф. 12, 1–8): к вопросу о богословии «двух Заветов» в Евангелии от Матфея // Богословский Вестник. 2017. № 3–4 (26–27). С. 223–278. Цитату см.: Там же. С. 234.

¹⁸ Филофей (Артюшин) иером. Проповедь в Назарете (Лк 4, 16–30): загадка отвергнутогоMessии в свете богословия Евангелия от Луки // Актуальные вопросы церковной науки: научный журнал. № 2. 2019. СПб., 2019. С. 126–131.

¹⁹ Филофей (Артюшин) иером. Увидеть Христа глазами веры: богословская программа и сюжетный замысел Евангелия от Луки на примере нарративного портрета Ирода Антипы // Актуальные вопросы церковной науки. № 2, 2020. С. 127. См. также другие статьи исследователя, в которых он применяет похожий (если не идентичный) инструментарий нарративного анализа: Филофей (Артюшин) иером. «Идите, научите все народы...» (Мф. 28, 19): Христос и ученики в Евангелии от Матфея // Богословский Вестник. 2017. № 24–25. С. 21–55; Филофей (Артюшин) иером. «Ибо видели очи мои спасение Твое...» (Лк 2:30): социокультурный контекст и богословские нюансы описания Страданий Господних в Евангелии от Луки // Христианское Чтение. 2023. № 3. С. 54–64.

Иером. Филофей на примере Первого послания к Коринфянам стремится реконструировать «богословский и нарративный профиль мотива рассуждения как такового»²⁰. При этом исследователь главным образом придерживается следующего аспекта нарративного анализа: «Учитывать внутренний динамизм и напряжение, присущие самому понятию рассуждения как такового, вне зависимости от того, говорится ли об этом имплицитно или, напротив, открыто в избранных пассажах Павловых посланий»²¹. При анализе данных статей становится видно, с одной стороны, насколько обширен инструментарий нарративного анализа, а с другой — насколько успешно его применение к новозаветным перикопам отечественными исследователями.

Еще одним крайне важным аспектом нарративного анализа, описание которого можно найти в трудах иером. Филофея, является нарративное богословие. Исследователь пишет: «Логическим результатом нарративного анализа является нарративное богословие... после внимательного прочтения и усвоения основных истин богоухвненного текста, логически следует самобытный ответ читателя на поставленные текстом вопросы, принятие или непринятие выдвинутых в нем концепций на уровне персонажей и самого автора»²². Данный аспект снова свидетельствует об актуальности и востребованности использования нарративного анализа православным библеистом. Также мы видим, что принцип нарративного богословия соответствует духу святоотеческой экзегезы²³.

Отметим особенности актуализации нарративного анализа в русской библеистике, предпринятой свящ. Д. Барицким. В первую очередь, назовем статью исследователя под названием «Место нарративного анализа в контексте библейских исследований»²⁴. В ней о. Дмитрий приводит обзор литературных подходов к Библии, при этом основное внимание уделяет нарративному анализу. По мнению исследователя, это «один из самых продуктивных методов литературного анализа священного текста»²⁵. Д. Барицкий подробно излагает историю зарождения и формирования литературных подходов к изучению Библии, среди которых выделяет следующие: структурализм, риторическая критика, критика читательского отклика²⁶. За-

²⁰ Филофей (Артиошин) иером. Богословские и прагматические аспекты дара рассуждения в посланиях апостола Павла // Библия и христианская древность. 2019. № 2 (2). С. 233.

²¹ Там же. С. 234.

²² Филофей (Артиошин), иерод. Образ Мессии в Евангелии от Матфея: от нарративного анализа к нарративному богословию. С. 32–33.

²³ Прот. Д. Юрьевич пишет: «Многие церковные авторы (например, свт. Иоанн Златоуст) считали необходимым установить связь между богословским смыслом исследуемого фрагмента и тем, какие руководственные начала он содержит для практической жизни верующего» (Юревич Д., прот. Введение в Новый Завет. С. 162). Мы видим, что данная концепция соответствует принципу нарративного богословия.

²⁴ Барицкий Д., свящ. Место нарративного анализа в контексте библейских исследований. С. 42–71.

²⁵ Там же. С. 44. Так же отметим, что свящ. Дмитрий использует термин «нарративная критика» вместо «нарративный анализ». Автор настоящего исследования, вслед за иером. Филофеем, придерживается термина «нарративный анализ», поэтому в случаях непрямого цитирования свящ. Дмитрия будет использоваться термин «нарративный анализ».

²⁶ Там же. С. 44–62. Примечательно, что исследователь обращает внимание на то, что свя-

тем исследователь подробно анализирует историю возникновения и формирования нарративного анализа и дает ему оценку в сравнении с другими литературными подходами к Библии²⁷. Указанный обзор отца Дмитрия отличается емкостью и доступным изложением темы.

В другой статье Д. Барицкий предпринимает попытку «продемонстрировать, как можно применить тот потенциал, которым обладает литературоведение, а именно такая его важная часть, как поэтика, в рамках библейской экзегезы»²⁸. Исследователь обращается преимущественно к одному из аспектов нарративного анализа — к композиции системы персонажей. Отец Дмитрий на трех примерах евангельских перикоп (насыщение пяти тысяч (см. Ин. 6:5–14); воскрешение дочери Иаира и исцеление кровоточивой (см. Лк. 8:41–56); хождение Христа по водам и утопание Петра (см. Мф. 14:22–34)) демонстрирует потенциал нарративного анализа. Учитывая, что исследователь обращается главным образом лишь к одному аспекту нарративного анализа (композиция персонажей), читателю нетрудно догадаться, насколько обширны возможности данного метода изучения Священного Писания, если использовать весь его инструментарий²⁹. На данный момент священник Дмитрий больше обращается к генеративной нарратологии, которая хотя и имеет много общего с принципами нарративного анализа (по сути, является одним из его ответвлений), однако, в целом, заслуживает отдельного внимания³⁰, поэтому в рамках данной статьи мы опустим анализ и характеристику данного метода.

Десницкий А. также имеет несколько публикаций, связанных с нарративным анализом. Первостепенно отметим статью исследователя, в которой он дает краткое описание одного из методов нарративного анализа — интертекстуальность, а затем приводит конкретные примеры его использования при чтении ветхозаветных текстов³¹. Авторы настоящей статьи также обозначают данный метод нарративного анализа (см. ниже). Здесь лишь кратко отметим, что с точки зрения точности терминологии, примеры А. Десницкого более правильно было бы отнести к интраптекстуальности, поскольку все

тые отцы также уделяли внимание литературным особенностям Писания (см. 13 сноска). Кроме того, отец Дмитрий приводит обзор методов исторической критики, при этом давая им сравнительную оценку относительно литературных подходов. См.: Там же. С. 47–53.

²⁷ Там же. С. 62–68.

²⁸ Барицкий Д., свящ. Композиция системы персонажей в контексте экзегезы Евангельских зачат // Сборник трудов кафедры библеистики Московской духовной академии № 6. М.; Сергиев Посад, 2019. С. 130.

²⁹ Священник Дмитрий также имеет ряд публикаций, посвященных применению литературных подходов к светской литературе. Учитывая тематику данной статьи, анализ данных публикаций здесь опускается. В другой статье, которую по содержанию можно отнести к патрологии, автор анализирует значение тропов в Писании, согласно взглядам блж. Августина и Тихония Африканского. См.: Барицкий Д. С. Место и роль тропа в герменевтическом процессе (по блж. Августину и Тихонию) // Материалы I студенческой научно-богословской конференции. СПб., 2010. С. 85–94.

³⁰ Барицкий Д., свящ. «Противоречия» в евангельском повествовании через призму генеративной нарратологии // Богословский Вестник. 2023. № 2 (49). С. 18–37.

³¹ Десницкий А. С. Интертекстуальность в библейских повествованиях // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008. № 1. С. 14–20.

они не выходят за границы одной книги Священного Писания³². Так же исследователь посвятил ряд статей доказательству историчности событий, описанных в книгах Царств. В рамках настоящего исследования из данного ряда должно отметить две последние статьи³³, в которых А. Десницкий предлагает характеристику некоторых параметров исторического нарратива³⁴, чтобы выявить, «как соотносится повествовательный материал с идеологией автора и какие мы можем сделать из этого выводы, релевантные для реконструкции истории израильской и иудейской монархий»³⁵. Затем, отметив эти характеристики в книгах Царств, исследователь предлагает выводы относительно достоверности описываемых событий³⁶. Также должно отметить, что исследователь учитывает данные археологии³⁷, что делает его выводы вполне убедительными и обоснованными. В рамках настоящего исследования данные статьи А. Десницкого важно отметить, поскольку автор действительно разрабатывает новую область, напрямую связанную с нарративным анализом, а именно: как те, или иные особенности исторического нарратива способствуют более правильной реконструкции исторических событий.

Должно также отметить монографию протестанского русскоязычного автора, посвященного одному из методов нарративного анализа – фокализация³⁸. Сначала автор демонстрирует концепцию данного метода, согласно Жерару Женетту³⁹, затем отмечает, как ее описывали другие исследователи, вплоть до ближайших современников⁴⁰. После К. Назаров дает характеристику ряду трудов, посвященных применению методов нарративного анализа к повествованиям Ветхого Завета, при этом отмечая, что зачастую они и вовсе упускают из виду как фокализацию, так и исследование Женетта⁴¹. Прежде чем перейти к прочтению книги Руфь с учетом фокализации, исследователь отмечает труды Шмидта и Тюпы и предлагает вариант понимания данного метода нарративного анализа, ввиду которого и предлагает дальнейшее объяснение особенностей книги Руфь⁴². Таким образом, исследо-

³² Второй из примеров, приводимых исследователем – сопоставление примеров пророка Ильи (3 Цар.) и пророка Елисея (4 Цар.). Учитывая, что изначально 3 Цар. и 4 Цар. – это одна книга Священного Писания, поэтому здесь также речь идет об интратекстуальности. О разнице между интертекстуальностью и интратекстуальностью см. ниже в настоящей статье.

³³ Десницкий А. С. Монархии в Древнем Израиле: методика нарративного анализа // Ориенталистика. 2020. №3 (2). С. 323–347; Десницкий А. С. Полторы израильских монархии: предварительные выводы // Ориенталистика. 2020. № 3 (3). С. 619–643.

³⁴ Десницкий А. С. Монархии в Древнем Израиле. С. 325-327.

³⁵ Там же. С. 346.

³⁶ Десницкий А. С. Полторы израильских монархии. С. 635-641.

³⁷ Там же. С. 631-635.

³⁸ Назаров К. В. Что хотел сказать автор? Фокализация в книге Руфь. М., 2024.

³⁹ Там же. С. 9-34.

⁴⁰ Там же. С. 35-65. Здесь лишь кратко отметим, что речь идет о применении фокализации к художественным сочинениям, не Священному Писанию.

⁴¹ Там же. С 67-103.

⁴² Там же. 105-124. На протяжении исследования, Назаров Константин отмечает, что исследователи по-разному понимали, что имеется в виду под «фокализацией», не редко отождествляя ее с «точкой зрения» и предлагает и так пишет относительно собственного отношения: «Чтобы оставаться в русле оригинальной теории Женетт, я буду использовать

вание К. Назарова не только интересно с точки зрения комментария на книгу Руфь, но и содержит подробный историографический обзор становления такого метода нарративного анализа, как фокализация.

Нарративная аналогия

В рамках данного исследования мы актуализируем еще один из методов нарративного анализа, а именно нарративную аналогию. В первую очередь, приведем формальное определение по Меиру Штернбергу — исследователю, который является одним из ведущих специалистов в области нарративного анализа: «Аналогия — это, по сути, пространственный паттерн, состоящий, минимум, из двух элементов (двух персонажей, событий, нитей действия и т.д.), между которыми есть, минимум, одна точка сходства и одна точка несходства: сходство создает основу для пространственной связи и противопоставления аналогичных элементов, а несходство — для их взаимного освещения, характеристики или просто конкретизации»⁴³.

Несколько слов относительно терминологии. Сам Штернберг в данном случае использует термин «аналогия». Джошуа Берман, ссылаясь на Моше Гарсиэля, приводит следующее отличие нарративной аналогии от аналогии согласно Штернбергу: «Целые повествования могут считаться аналогичными, однако, как пишет Гарсиэль, только «когда точки сходства между повествовательными единицами многочисленны и очевидны»»⁴⁴. Именно такое определение нарративной аналогии мы имеем в виду»⁴⁵.

В другом месте Д. Берман пишет, что другие исследователи применяли другую терминологию для данного метода нарративного анализа: «повторы» (Аструк и Кассуто), «варианты» (Гункель), «дублеты» (последователи Вельххаузена), «типичная сцена» / «нарративная аналогия» (Роберт Уолтер), «нарративное дублирование (Моше Гарсиэль)»⁴⁶. Примечательно и то, что сам Берман вводит термин «метафорическая аналогия»⁴⁷, а в некоторых местах своего исследования, используя нарративную аналогию, обращается к интертекстуальности⁴⁸. В то же время недавно Сигмон Брайан защитил диссертацию, в которой использовал метод интраптекстуальности⁴⁹. Отмечая разницу

понимание фокализации, данное Яном, как «регулирование, отбор и направление нарративной информации» (Там же. С. 121).

⁴³ Sternberg M. *The Poetics of Biblical Narrative: Ideological Literature and the Drama of Reading*. Bloomington (Ind.), 1987. P. 365. Об авторитетности исследователя свидетельствует и последующее цитирование его определения другими учеными. См. например: Berman J. A. *Narrative Analogy in the Hebrew Bible: Battle Stories and Their Equivalent Non-Battle Narratives*. Leiden, 2004. P. 1.

⁴⁴ Garsiel M. *The First Book of Samuel: A Literary Study of Comparative Structures, Analogies and Parallels*. College Township (Pa.), 1985. P. 28.

⁴⁵ Berman J. A. *Narrative Analogy in the Hebrew Bible*. P. 1–2.

⁴⁶ Ibid. P. 1.

⁴⁷ Ibid. P. 6.

⁴⁸ Ibid. P. 25, footnote 64. Берман отмечает наблюдение Яира Заковица о том, что нарративная аналогия «часто обладает свойством интертекстуальности». Об использовании са- мим Берманом интертекстуальности при нарративной аналогии см.: Ibid. P. 57, 65, 147.

⁴⁹ Sigmon B. O. *Between Eden and Egypt: Echoes of the Garden Narrative in the Story of Joseph and His Brothers* (2013). *Dissertations* (2009–). Paper 263 // URL: <http://epublications.marquette.edu>.

между интертекстуальностью и интраптекстуальностью, Сигмон пишет: «В то время как более привычный литературный подход — интертекстуальность — исследует связи между двумя или более независимыми текстами, интраптекстуальность фокусируется на различных единицах внутри одного и того же текста»⁵⁰.

В настоящем исследовании мы не предложим нового термина. Автор статьи будет использовать термин «нarrативная аналогия» с оговоркой, что понимание данного термина в той или иной мере будет соответствовать спектру терминологии, приведенной выше. Иными словами, мы попытаемся выявить то общее, что объединяет все вышеприведенные термины. За основу возьмем понимание «нarrативной аналогии», предложенное Сигмоном: «Нарративная аналогия предполагает, что два персонажа или более, истории, сцены или другие аспекты библейского текста имеют значительное сходство друг с другом, что побуждает к их дальнейшему сравнению. Сравнение проливает новый свет на оба аспекта текста, подчеркивая параллели, предвосхищение, разворот, прогрессию или различные другие эффекты⁵¹, порождаемые их взаимным сходством и различием. С помощью этого приема, цитируя Роберта Альтера, “одна часть текста дает косвенный комментарий к другой”»⁵².

Поскольку в русской науке нарративная аналогия рассматривается впервые, обратим больше внимание на некоторые детали.

В первую очередь, отметим, что, согласно Сигмону, поводом для сравнения текстов является то, что «два персонажа или более, истории, сцены или другие аспекты библейского текста имеют значительное сходство друг с другом». На уровне каких элементов прослеживается сходство библейских текстов? Прежде всего, это может быть «слово-мотив» (нем. «Leitwort») – «это слово или слово-корень, которое многократно повторяется в тексте, в совокупности текстов или в системе текстов: следя за этими повторами, можно раскрыть или уловить смысл текста, или, во всяком случае, смысл будет выявлен более ярко»⁵³.

В качестве наглядной иллюстрации можно сослаться на пример Уолтера: «Противостояние между Самуилом и Саулом из-за неспо-

[edu/dissertations_mu/263](https://www.dissertations_mu.ru/263) (дата доступа: 01.04.2025).

⁵⁰ Sigmon B. O. Between Eden and Egypt. P. 4.

⁵¹ О том, какие еще эффекты может порождать сравнение аналогичных отрывков Писания см.: Zakovitch Y. Through the Looking Glass: Reflections/Inversions of Genesis Stories in the Bible // Biblical Interpretation. 1993. Vol. 1. Iss. 2. P. 139. М. Штернберг пишет: «Вместо морализаторства по поводу решений персонажей, библейские рассказчики просто показывают вам решение и последствия решений персонажей и позволяют вам поразмыслить над их значением». Дальше исследователь показывает, что само искусство составления повествования (в том числе использование нарративной аналогии) — это способ, посредством которого авторы Писания призывают читателя поразмыслить над значением текста и прийти к правильным выводам, в том числе практическим. См.: Sternberg M. The Poetics of Biblical Narrative. P. 43–46.

⁵² Ibid. P. 46.

⁵³ Термин впервые ввел Мартин Бубер. См.: Buber M., Rosenzweig F. Werke. Zweiter Band. Schriften zur Bibel. München, 1964. P. 1131. Затем этот термин стал активно использоваться исследователями. См., например: Alter R. The Art of Biblical Narrative. New York (N. Y.), 2010. P. 147.

собности царя уничтожить всех амаликитян и все их имущество (см. 1 Цар. 15 гл.) соткано из серии вариаций ключевых терминов “слушать”, “голос”, “слово”. Более того, в следующей главе, когда автор переходит от отверждения Саула к избранию Давида, он ловко меняет ключевое слово со “слушать” на “видеть”: после того как царь не послушался, мы видим, что пророк учится видеть того, кто действительно достоин быть царем»⁵⁴.

Также отметим, что «слово-мотив» не обязательно является буквально одним словом. Это может быть и выражение⁵⁵. Согласно Гарсиэлю, «элементы аналогии необязательно должны ограничиваться элементами сюжета или тематикой, но также могут быть найдены в сходстве звука, языка, образов, стиля»⁵⁶. В другом месте тот же исследователь отмечает: «Если две истории были помещены рядом, то независимо от того, связаны ли они сюжетом или темой... само их сопоставление побуждает читателя искать скрытые ссылки»⁵⁷.

Берман в своей книге разбирает шесть примеров нарративной аналогии в Библии. Наиболее убедительными и важными маркерами, которые позволяют считать библейские повествования аналогичными, для исследователя являются лексические маркеры (слово-мотив). Однако при анализе повествований Берман отмечает, что сходство может прослеживаться на уровне форм, мотивов⁵⁸, последовательности схожих сюжетных действий⁵⁹. Сопоставляя рассказ о битве в Рамофе Галаадском (см. 2 Пар. 18:28 – 19:3) с предшествующими ей совещаниями (см. 2 Пар. 18:1–27), исследователь отмечает, что между ними «нельзя найти ни одного значимого общего термина. Вместо этого летописец добивается сильного ощущения аналогии, используя очень яркие детали»⁶⁰.

В чем заключается критерий того, что элементы сходства действительно являются прочным основанием для анализа аналогичности тех или иных библейских текстов? Примечательны выводы Бермана: «Сама идентификация лексических основ аналогии зависит от интерпретации, которую дают эквивалентности»⁶¹.

Иными словами, получаемая интерпретация может помочь выявить новые элементы сходства библейских отрывков, которые способны повлиять на интерпретацию⁶². Обращаясь к терминологии нарративного анализа, можно сказать: нарративное богословие является критерием того, что элементы сходства действительно являются прочным основанием для анализа аналогичности тех или иных библейских текстов. Иными словами, можно заключить следующее: если выводы и гипотезы, полученные в ходе выявления элементов

⁵⁴ Alter R. The Art of Biblical Narrative. P. 147–148.

⁵⁵ Например, выражение: «И увидел Бог ... что хорошо» (Быт. 1, 4.10.12.18.21.25). См.: Cassuto U. A Commentary on the Book of Genesis. Jerusalem, 1961.

⁵⁶ Garsiel M. The First Book of Samuel. P. 22–23. Cp.: Sternberg M. The Poetics of Biblical Narrative. P. 365–367.

⁵⁷ Garsiel M. The First Book of Samuel. P. 21.

⁵⁸ Berman J. A. Narrative Analogy in the Hebrew Bible. P. 102.

⁵⁹ Ibid. P. 113.

⁶⁰ Ibid. P. 198.

⁶¹ Ibid. P. 113.

⁶² Cp.: Garsiel M. The First Book of Samuel. P. 22.

сходства и дальнейшего их анализа, не противоречат православной доктринальной манере, то вполне закономерно говорить о том, что данные элементы сходства являются прочным обоснованием⁶³.

Пример использования нарративной аналогии на примере книги пророка Исаии

Наконец, в рамках данной статьи приведем один пример нарративной аналогии. В качестве элемента сходства мы возьмем для анализа следующую тему из Книги пророка Исаии: Господь выносит судебный приговор, в результате которого спасается лишь остаток. Данную тематику мы встречаем в двух отрывках из Книги Исаии: «Суд и утешение: часть вторая» (см. Ис. 2:6 – 4:6) и «Призвание Исаии» (см. Ис. 6:1–13)⁶⁴. Относительно первого фрагмента Ис. 2:6 – 4:6 мы видим Божий судебный приговор в Ис. 2:6 – 4:1, который приводит к тому, что отрасль Господа явится в славе и остаток Израиля будет омыт, очищен, вписан в книгу жизни и будет именоваться святым: «В тот день отрасль Господа явится в красоте и чести, и плод земли — в величии и славе, для уцелевших сынов Израиля. Тогда оставшиеся (*hannišär*) на Сионе и уцелевшие (*hannōär*) в Иерусалиме будут именоваться святыми, все, вписанные в книгу для жития в Иерусалиме, когда Господь омоет скверну дочерей Сиона и очистит кровь Иерусалима из среды его духом суда и духом огня» (Ис. 4:2–4)⁶⁵.

В отрывке «призвании Исаии» 6:1–13, тему Божиего судебного приговора мы видим в служении пророка, на которое посыпает его Господь (см. Ис. 6:9–13)⁶⁶. Данный приговор приводит к тому, что от всего Израиля уцелеет лишь остаток: «Как от теревинфа и как от

⁶³ В то же время Яир Закович предостерегает: «Не следует увлекаться случайными ассоциациями между одним библейским повествованием и другим, скорее необходимо с самого начала позаботиться о том, чтобы определить, что между двумя повествованиями имелась в виду связь: общие выражения (которые иначе не встречаются в Библии), сюжеты со схожими темами, которые строятся параллельно или подобным образом, или другие подобные неопровергимые доказательства». См.: *Zakovitch Y. Through the Looking Glass: Reflections/Inversions of Genesis Stories in the Bible.* P. 139–140.

⁶⁴ Название и объем отрывков взят из комментария Виллема Вангеремера на Книгу пророка Исаии. См.: *VanGemeren W. A. Commentary on Isaiah: From The Baker Illustrated Bible Commentary.* Grand Rapids (Mich.), 2019.

⁶⁵ CRV – Современный русский перевод Библии Российского Библейского общества.

⁶⁶ «Помрачи ум этого народа, сделай так, чтобы они стали туги на ухо, а глаза их незрячими стали бы, чтобы их глаза не могли видеть, уши — слышать, ум — разуметь, чтобы они не обратились, не исцелились» (Ис. 6, 10, CRV). Попытки смягчить суровость данного стиха предпринимались уже ранними переводчиками Писания. См.: *Evans C. A. To See and Not Perceive: Isaiah.6:9–10 in Early Jewish and Christian Interpretation.* Sheffield, 1989. Обзор других мнений, а также объяснение того, почему служение действительно имело (могло иметь) такой суровый характер, см.: *Oswalt J. N. The Book of Isaiah. Chapters 1–39.* Grand Rapids (MI), 1986. P. 188; *Alexander J. A. Commentary on Isaiah.* Grand Rapids (Mich.), 1992. P. 151–153; Ветхий Завет на страницах Нового: [в 4-х т.]. Т. 1. Евангелие от Матфея — Евангелие от Марка / ред. Г. К. Бил, Д. А. Карсон. Черкассы, 2010. С. 310–311. Переводчики New English Translation (NET) в примечании к Ис. 6, 9 предположили, что такое суровое повеление в данном случае носит ироничный характер. Тем не менее они отмечают: «Несмотря на использование иронии, мы все равно должны рассматривать это как подлинный, хотя и косвенный акт божественного ожесточения».

дуба, когда они и срублены, остается корень их, так святое семя (*zera*) будет корнем ее (*maatāh*)» (Ис. 6:13)⁶⁷.

Таким образом, в обоих отрывках прослеживается единая тематика, которую мы определили выше: Господь выносит Свой судебный приговор, который приводит к тому, что спасается лишь остаток.

В качестве еще одного элемента сходства можно отметить, что в обоих отрывках остаток называется «святым»: «Оставшиеся...и уцелевшие...будут именоваться святыми» (*hannišār whannōār qādōš yēāmer* – Ис. 4:3)⁶⁸; «святое семя» (*zera qodeš* – Ис. 6:13).

Какое значение имеет рассматривание данных отрывков в качестве примера нарративной аналогии? В первую очередь, Ис. 2:6 – 4:6 проливает свет на Ис. 6:1–13, объясняя, почему Господь выносит именно такой судебный приговор. Суровость суда Божия, содержащаяся в посланничестве Исаии, уже с древних времен вызывала вопросы у читателей Библии. Сопоставление же этих отрывков помогает увидеть, почему суд Божий будет таким суровым: Господь желает остановить нечестие людей, а, как известно из других примеров Писания, порой для этого нужны крайне суровые методы, например, Всемирный Потоп (см. Быт. 6:1–7). Однако целью суда в данном случае, кроме наказания за грехи, является также и очищение народа: «Омыть скверну дочерей Сиона и очистить кровь Иерусалима из среды его духом суда и духом огня» (Ис. 4:4).

В рамках проводимой аналогии стоит отметить, что в отрывке «Призвание Исаии» (Ис. 6:13) святой остаток называется «семенем» (*zera*). Поскольку семя подразумевает новые ростки, то данное сопоставление позволяет сделать следующий вывод: Господь выносит судебный приговор не только для того, чтобы остановить нечестие людей, наказать их за грехи, но и чтобы продолжить историю человеческого рода, так сказать, с чистого листа — очищенного «святого остатка»⁶⁹.

Д. Берман, сопоставляя два дня пиршства в Есф. 5:1–8 и два дня сражений в Есф. 9:1–16 пишет: «Аналогия... проводится как указатель на изменения в характере Эсфири»⁷⁰. Можно сказать, что и в анализируемом случае Книги пророка Исаии аналогия проводится как указатель на изменения в отношениях между Богом и Его народом. Люди

⁶⁷ NET предлагает следующий вариант прочтения Ис. 6, 13: «Даже если на земле останется только десятая часть людей, она снова будет уничтожена, как одно из больших священных деревьев или столб Ашеры, когда священный столб на высоком месте будет сброшен. Этот священный столб символизирует особую избранную семью». Однако такой вариант не только требует определенных эмендаций еврейского текста, но и не встречает ни поддержки, ни даже обсуждения у комментаторов. См., например: *Oswalt J. N. The Book of Isaiah. P. 190–191; Alexander J. A. Commentary on Isaiah. P. 154–155.*

⁶⁸ Древнееврейский текст приводится по: *Biblia Hebraica Stuttgartensia / ed. R. Kittel et al. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997.*

⁶⁹ Вывод может показаться очевидным, но уже в пределах Нового Завета мы видим, что ап. Петр рассматривал историю Потопа (вынесение Господом судебного приговора) как свидетельство того, что знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения, а беззаконников соблюдать ко дню суда, для наказания (2 Пет. 2, 9). Сопоставление анализируемых отрывков из Книги пророка Исаии также свидетельствует об этом. Но использование слова «семя» дает основание привести и обозначенный вывод.

⁷⁰ *Berman J. A. Narrative Analogy in the Hebrew Bible. P. 143.*

отказываются принимать весть Божию, возвещаемую через пророка Исаию в Ис. 2:6–4:1, — и Господь повелевает пророку сделать людей невосприимчивыми в Ис. 6:9–10. Сначала народ ожесточил свое сердце, а затем Господь, отдавая Свой народ на последствия его же решения, ожесточает его сердце⁷¹.

Сопоставление этих двух фрагментов проливает свет и на то, каким образом Господь приведет землю Своего народа в запустение, о котором Он говорит в Ис. 6:11–12. Вполне вероятно, что термин «остаток» (*plēā* – Ис. 4:2)⁷² указывает здесь на то, что запустение произойдет посредством нашествия врагов (ср. Ис. 3:24), поскольку данный термин в Писании чаще всего употребляется в военных конфликтах⁷³.

Выводы

Наш историографический обзор изучения нарративного анализа в русской библеистике показывает, что, с одной стороны, активный интерес к изучению данного метода толкования Священного Писания возник совсем недавно, а с другой — что он обладает значительным потенциалом, в том числе для православного исследователя. В рамках данной статьи была предпринята попытка актуализировать еще один метод нарративного анализа — нарративную аналогию. Обозначив принципы этого метода, авторы статьи продемонстрировали его потенциал на примере из Книги пророка Исаии. В работе предоставлена возможность русскоязычному читателю ознакомиться с нарративной аналогией, наглядно продемонстрирован ее потенциал. Также отметим, что выводы, полученные посредством применения нарративной аналогии, никак не противоречат православной доктрине, что вновь подтверждает правомочность использования методов нарративного анализа православным исследователем.

Источники

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд. Российского библейского общества, 2002.
2. Библия. Современный русский перевод. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические. Москва: Изд. Российского библейского общества, 2011.
3. Biblia Hebraica Stuttgartensia / ed. R. Kittel et al. Stuttgart: Deutsche

⁷¹ Примечательно, что суровость посланничества Исаии неоднократно сопоставлялась с ожесточением сердца фараона. См. например: Ветхий Завет на страницах Нового. Том 1. С. 310. Сначала фараон сам ожесточил свое сердце, и лишь после этого его сердце начал ожесточать Бог. Можно сказать, что как ожесточение Богом сердца фараона, так и суровость посланничества Исаии заключается в том, что Бог изливает Свой гнев. Божий гнев проявляется в том, что Он отдает людей на волю последствий их решений (см. Рим. 1, 24.26.28). Ср.: Schreiner T. R. Romans (Baker Exegetical Commentary on the New Testament). Grand Rapids (Mich.), 1998. Р. 85.

⁷² Данный термин неоднократно используется для обозначения уцелевшего остатка после Ассирийского или Вавилонского нашествия. См.: 4 Цар. 19, 30.31; Ис. 10, 20; 37, 31, 32; Иез. 14, 22; Неем. 1, 2; Езд. 9, 13–15.

⁷³ Sohn Seock-Tae. The Divine Election of Israel. PhD Dissertation. New York: New York University Press, 1986. Р. 220.

- Bibelgesellschaft, 1997.
4. The New English Translation Bible. New English Translation. Texas: Biblical Studies Press, L.L.C. 2001.

Литература

5. Барицкий Д. С. Место и роль тропа в герменевтическом процессе (по блж. Августину и Тихонию) // Материалы I студенческой научно-богословской конференции. СПб.: Изд. СПбДА, 2010. С. 85–94.
6. Барицкий Д., свящ. Композиция системы персонажей в контексте экзегезы Евангельских зачат // Сборник трудов кафедры библеистики Московской духовной академии № 6. М.; Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2019. С. 129–144.
7. Барицкий Д., свящ. «Противоречия» в евангельском повествовании через призму генеративной нарратологии // Богословский вестник. 2023. № 2 (49). С. 18–37.
8. Барицкий Д., свящ. Место нарративного анализа в контексте библейских исследований // Богословский вестник.. 2023. № 3 (50). С. 42–71.
9. Вайс М. Библия и современное литературоведение. Метод целостной интерпретации. М.: Изд. Гешарим, Мосты культуры, 2001.
10. Ветхий Завет на страницах Нового: [в 4-х т.]. Т. 1. Евангелие от Матфея — Евангелие от Марка / ред. Г. К. Бил, Д. А. Карсон. Черкассы: Коллоквиум, 2010.
11. Десницкий А. С. Введение в библейскую экзегетику. М.: Изд. ПСТГУ, 2011.
12. Десницкий А. С. Интертекстуальность в библейских повествованиях // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2008. № 1. С. 14–20.
13. Десницкий А. С. Монархии в Древнем Израиле: методика нарративного анализа. Ориенталистика. 2020. №3 (2). С. 323–347.
14. Десницкий А. С. Полторы израильских монархии: предварительные выводы // Ориенталистика. 2020. № 3(3). С. 619–643.
15. Добыкин Д. Г. Православное учение о толковании Священного Писания: лекции по библейской герменевтике: учеб. пособие. СПб.: Изд. СПбПДА, 2016.
16. Назаров К. В. Что хотел сказать автор? Фокализация в книге Руфь. М.: Религиозная Организация «Евангельский Христианский Центр Апостола Павла», 2024.
17. Филофей (Артюшин), иерод. Образ Мессии в Евангелии от Матфея: от нарративного анализа к нарративному богословию // Материалы ежегодной научно-богословской конференции СПбской Духовной Академии. Материалы международной конференции «Приходское служение и общинная жизнь». СПб.: Изд. СПбПДА, 2015. С. 28–33.
18. Филофей (Артюшин), иером. Нарративная функция и богословские следствия чередования мотивов «видеть» и «слышать» в Евангелии детства (Лк. 1–2) // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки. Материалы международной научно-богословской конференции, посвященной 70-летию возрождения СПбДА. 16–17 ноября 2016 г. Часть 1: Библеистика. Богословие. Церковное искусство и архитектура. СПб.: Изд. СПбПДА, 2017. С. 85–135.

19. Филофей (Артюшин), иером. Современный метод нарративного анализа и перспективы его использования в православной библеистике // Богословский вестник. 2015. № 16–17. С. 23–55.
20. Филофей (Артюшин), иером. Субботство Закона и милосердие Господина субботы (Мф. 12, 1–8): К вопросу о богословии «двух Заветов» в Евангелии от Матфея // Богословский вестник. 2017. № 3–4 (26–27). С. 223–278.
21. Филофей (Артюшин), иером. «Идите, научите все народы...» (Мф. 28,19): Христос и ученики в Евангелии от Матфея // Богословский вестник. 2017. № 24–25. С. 21–55.
22. Филофей (Артюшин), иером. Богословские и pragматические аспекты дара рассуждения в посланиях апостола Павла // Библия и христианская древность. 2019. № 2 (2). С. 231–253.
23. Филофей (Артюшин), иером. Проповедь в Назарете (Лк 4: 16–30): загадка отвергнутого Мессии в свете богословия Евангелия от Луки // Актуальные вопросы церковной науки: научный журнал № 2. СПб.: Изд. СПбПДА, 2019. С. 126–131.
24. Филофей (Артюшин), иером. Увидеть Христа глазами веры: богословская программа и сюжетный замысел Евангелия от Луки на примере нарративного портрета Ирода Антипы // Актуальные вопросы церковной науки. 2020. № 2. С. 126–133.
25. Филофей (Артюшин), иером. Под знаком милосердия (Мф. 9, 9–13): проблема соотношения праведности и греха в богословском контексте Евангелия от Матфея // Библия и христианская древность. 2021. № 4 (12). С. 111–130.
26. Филофей (Артюшин), иером. «Ибо видели очи мои спасение Твое...» (Лк 2:30): социокультурный контекст и богословские нюансы описания Страстей Господних в Евангелии от Луки // Христианское Чтение. 2023. № 3. С. 54–64.
27. Юрьевич Д. В., прот. Введение в Новый Завет: учебное пособие. СПб.: Изд. СПбПДА, 2016.
28. Alexander J. A. Commentary on Isaiah. Grand Rapids (Mich.): Kregel, 1992.
29. Alter R. The Art of Biblical Narrative. New York (N. Y.): Basic Books, 2010.
30. Berman J. A. Narrative Analogy in the Hebrew Bible: Battle Stories and Their Equivalent Non-Battle Narratives. Leiden: Brill, 2004.
31. Buber M., Rosenzweig F. Werke. Zweiter Band. Schriften zur Bibel. München: Koesel-Verlag & Verlag Lambert Schneider, 1964.
32. Cassuto U. A commentary on the book of Genesis. Jerusalem: Magnes Press, 1961.
33. Evans C. A. To See and Not Perceive: Isaiah 6:9–10 in Early Jewish and Christian Interpretation. Sheffield: JOST Press, 1989.
34. Garsiel M. The First Book of Samuel: A Literary Study of Comparative Structures, Analogies and Parallels. College Township (Pa.): Eisenbrauns, 1985.
35. Oswalt J. N. The Book of Isaiah. Chapters 1–39. Grand Rapids (Mich.): Eerdmans, 1986.
36. Schreiner T. R. Romans (Baker Exegetical Commentary on the New Testament). Grand Rapids (Mich.): Baker, 1998.
37. Sigmon B. O. Between Eden and Egypt: Echoes of the Garden Narrative in the

- Story of Joseph and His Brothers (2013). Dissertations (2009 -). Paper 263 // URL: http://epublications.marquette.edu/dissertations_mu/263 (дата обращения: 01.04.2025).
38. *Sohn Seock-Tae*. The Divine Election of Israel. PhD Dissertation. New York: New York University Press, 1986.
 39. *Sternberg M*. The Poetics of Biblical Narrative: Ideological Literature and the Drama of Reading. Bloomington (Ind.): Indiana University Press, 1987.
 40. *VanGemeren W. A.* Commentary on Isaiah: From The Baker Illustrated Bible Commentary. Grand Rapids (MI): Baker, 2019.
 41. *Zakovitch Y*. Through the Looking Glass: Reflections/Inversions of Genesis Stories in the Bible // Biblical Interpretation Vol. 1. Issue 2. (1993). P. 139-152.

Deacon Ioann Zmiev, S. A. Parakhin

NARRATIVE ANALOGY AS NARRATIVE ANALYSIS METHOD ON THE EXAMPLE OF PROPHET ISAIAH BOOK

Abstract. This article aims at drawing interest to the narrative analysis in the Russian biblical studies. In the beginning, the study provides a historiographical overview of the study of the narrative analysis by the Russian researchers. The scholars pay special attention to the prospects of applying this analysis in the Orthodox tradition. Further the paper describes the narrative analogy as one of the methods of the narrative analysis. The authors have shown how this method works on the example of the Book of the Prophet Isaiah. This paper has several purposes: first, to advance the narrative analysis in the Russian biblical studies; second, to advance our understanding of the narrative analogy in the Orthodox tradition; third, to demonstrate its potential on the specific example.

Keywords: Narrative Analysis, Narrative Analogy, Russian Biblical Studies, Similarities in the Biblical Text, the Book of Isaiah, Remnant Motif.

About the Authors: Deacon Ioann Dmitrievich Zmiev – Master of Theology, Postgraduate Student of the Biblical Studies Department of the Moscow Theological Academy, Teacher of the Perervinsky Theological Seminary (e-mail: ivanzmiev@mail.ru).

Stephan Andreevich Parakhin - Master of Theology, Senior Teacher of the Yekaterinburg Theological Seminary (e-mail: stefanparahin18@mail.ru).